

Максим Сергеев

ТОЧКА ВОДЫ

стихотворения

Максим Сергеев

ТОЧКА ВОДЫ

стихотворения

УДК 82-14
ББК 84-5
С322

Вторая книга стихотворений

Сергеев, М.

С322 Точка воды: Стихотворения / Максим Сергеев. —
Екатеринбург: ООО «Издательство АМБ», 2019. — 78 с.

ISBN 978-5-8057-1019-4

**УДК 82-14
ББК 84-5**

ISBN 978-5-8057-1019-4
«Издательство АМБ», 2019

© Сергеев М., 2019
© Издательство АМБ, 2019

Посох и башмаки
Кованные. Землей
Стану когда-нибудь.
Ты меня не забудь,
Ты меня не забудь,
Матка младая, смерть.
Буду родную твердь
Снизу держать и гнуть
Кверху. Буду расти.
Буду летать, с горсти
Дождик роняя.
Петь.
И на тебя смотреть
Гладью любой реки,
Времени вопреки.

Падает снег на снег

Д. Мурзин

Я вышел слушать снег –
Молчит холодный снег,
Лежит холодный снег,
И нет ему предела.

И падает, кружит,
Летит холодный снег,
Звенит холодный снег,
Окутывает тело.

Лежу или стою?
Молчу или кричу?
Летит холодный снег,
Лечу ли я сквозь время,
Что есть силы.

Я вышел слушать снег
В отцовом зипуне –
Четырнадцати лет
Верзила.

памяти бабушки

В печке растет трава-мурава,
Огненная трава-мурава,
И керосинка горит на столе
В век электричества.

В топке шипят сырые дрова,
Прямо с мороза сырые дрова.
Тесто поспело едва-едва,
Бабушка ставит хлеб.

Смотришь вполглаза, а может, спишь,
Видишь: за печь пробежала мышь,
Маленькая пробежала мышь...
Видимо, все-таки – спишь.

Пес трусит в морозной мгле
Или ветер, или,
Растекаясь по земле,
Тает в снежной пыли
Образ друга старого,
Крупного, поджарого.

Я по темному двору
Не боюсь ходить.
Даже если я умру,
Сможет проводить
Пес мой, друг мой, волкодав
За черту огня,
Если надо, смерть отдав
За меня.

Сын мой, шел снег, ты родился в ночи,
Буря ревела, и баня стыла.
Я благодатный огонь в печи
Пестовал, возвращал ему силы.

Свечи горели, вода в бачке
Шипела, кипела, мать голосила,
Ей было больно, она просила
Смерти и жалась к моей руке.

На руки мне передал тебя Род,
Младенца в рубашке околоплодной.
Я разорвал ее там, где твой рот
Воздух искал. Ты издал первородный

Голос свой. Не было сил
Плакать. Вы с мамой уснули.
Спазмы беззвучные глотку стянули,
Когда я послед зарывать выносил.

Утренний холод в меня проникал,
Молча глядел я на небо, искал
Что-то увидеть в нем сумрачно-белом,
Так обновляясь и духом, и телом.

Кони ходят по воде
Всё стреноженные.
Седина на бороде
Чуть заметная.
Сяду, сяду на песок –
На гудке играть.
Будут кони ржать
И вода шуметь.

Ты вода моя вода,
Речка, реченька,
Словно кровь моя, руда
Кровь кипучая.
Приходил сюда за смертью
Грозной тучею.
А нашел покой и дом,
А нашел семью.

Летит сокол над водой,
Побратим родной.
Ходят кони по воде,
Кони солнечные.

Тура, Tobол, Иртыш –
Летишь во сне, летишь
Тайгою и водою.

По берегу пройдешь
И камушек возьмешь
Назад с собою.

Величественна ты,
Сибирской красоты
Вобравшая и света.

И хоть вода темна,
В ней жизнь моя видна,
Благодарю за это.

Сны о прошлом. Век разлуки,
Так, заламывая руки,
В поезде ночном
Говорили не от скуки
За пустым вином.

Эта встреча мимолетна,
И поэтому вольготно
Говорить, дыша свободно,
И качая головой.

Говорить приукрашая,
Сахар ложечкой мешая
Против стрелки часовой.

А потом уснуть, забыться,
Ключевой водой умыться
Тишины и сна.

А во сне под перестуки
Греть в ладонях чьи-то руки,
Нежные, родные руки
Радость так сильна.

Свеча – дитя звезды –
Сияй, гори нетленно,
В узлы стянуло вены
От зримой красоты.

Не буду ничего
Я говорить об этом,
Подставив руки свету.
Не ведая того,

Забуду обо всем,
И тело распрямится,
И вылетит, как птица,
Душа за окоем,

За Обскую губу,
Опередив судьбу.

Море меняет свой цвет, заполярное солнце не греет,
А вызывает видений причудливой формы ряды.
Качка такая, что в людях промерзших отчаянье зреет,
Гаммой цветов проявляясь в рельефе небес и воды.

Смотришь на небо и волны – стихи появляются сами,
Хочется их записать, но для этого просто нет сил.
Все, что вокруг ты вдыхаешь, вбираешь душой и глазами,
До основанья огнем выжигает тебя. Погасил,

Если бы мог, этот жар нестерпимый проникнувшей стужи,
Это отчаянье северной сладкой безумной тоски,
Словно тебе эта жизнь, этот мир абсолютно не нужен,
Словно в нить жизни вплетают последних деньков волоски.

Будешь ты горькую пить и стихи наговаривать пьяно,
Будут тебе хороводы казаться на светлых полянах,
Юная дева являться с тревожной улыбкой своей,
Будешь по имени звать ты красивых и строгих людей,

Будешь ты ждать их, стремясь оставаться подолгу
В грезах своих, повторяя: «О, русское поле...»
И наконец-то уйдешь без сомнений и мук,
Истосковавшись от долгих, холодных разлук.

Ю. Казарину

Этот сон тревожный, эта тьма
Плотная, холодная, немая,
Душу твою светлую сжимая,
Наползает медленно. Зима

Длится, снится, видится иначе,
Нежели в поэзии высокой.
Одиноко сердцу в одинокой
Жизни, потому что мало значит

Слово, обретенное поэтом,
Для людей. И отнимает силы
Прямоговорение курсивом
О себе с собой у бездны этой,
Что в себе всегда душа носила.

Так тревожно на сердце, так больно,
Так свирели кузнечиков спелых,
Словно лилии, линии тела
Прорастают движением вольным.

И не слушая музыку эту,
Подчиняясь другому движенью,
Доверяешь немому скольженью,
Изменениям тени и света

И летишь, потеряв притяженье,
Одинокий до изнеможенья,
И прощенья просишь. Тогда
Обретаешь и душу, и зренья,
Красоту ощутив навсегда.

Оркестр духовых инструментов:
Сопелки, рожки, жалейки,
Флейты, зурны, габоны
И другие, другие дудки.

Божьи дудки – одинокие,
Мало кем услышанные при жизни.
Зато посмертно – им ставят памятники,
В которых они не нуждаются,
Но о которых многие от чего-то мечтали,
И от этого ушли намного раньше срока.

Свеча теперь горит,
Горит твоя свеча.
И мысль твоя летит
На острие луча,

И обжигает ум,
И сердце раскрывает
Мое, и гул и шум
Обыденный сдувает.

И музыка звучит,
Так тишина глаголит,
А то, что дух неволит –
Слабеет и молчит.

Ты – веришь, я – стремлюсь.
Нет, мы стремимся к свету.
Свеча горит, и это
Залог того, что где-то
Ты ждешь, что я вернусь.

сыну

Комок земли в ладонь сгребя, соединиться
С родившими тебя, с рожденными тобой,
И памятью своей с землею поделиться,
И обрести себя, в согласии с собой.

И ведая сей путь крестьянской душой,
От предков-пахарей, отдавших соль и кровь
Земле родной, принять умение большое –
Хранить и защищать, дарить свою любовь.

*Легче камень поднять,
чем вымолвить слово – любить*
О. Мандельштам

Только искры летят и поют соловьи
В старом парке ночном злые песни свои,
И так душно, так трепетно больно.
От сирени цветущей, от яблонь седых,
От дурманящих мысли цветов молодых,
Что раскинулись дико и вольно.

Этот праздник чужой так тяжел, так тернист
Этот путь, эти трели и свист,
Эти жизни хвалы и упреки...
Легче камень поднять... Но руки не отнять –
Ты уснула, а значит твой сон охранять
Мне доверили мудрые боги.

Взгляд мимолетный, секунды живые.
Раны сердечные, как ножевые,
Время – и лекарь, и друг.

И ни к чему убегать от ответа:
Что для тебя поколение это,
Этот стареющий круг.

Люди уходят. И спазмами боли
В нас вырастают остатки их воли –
То, что не в силах понять

Разумом. Но совершенно другими
Мысли становятся. Новое имя,
К старому имени – новое имя
С гордостью можешь принять.

Тобол, и более не надо.
Ни суеты, ни пустоты
Душевной нет. Лишь рыбаки
На лодках проплывают иногда,
И мечется дородная вода,
На берега выбрасываясь. Небо
В воде тогда теряет чистоту.
Небось душа, привыкши к постоянству,
Вот также беспокойна, если кто-то
Рассудку чувства выбирает. И,
Мой Бог, как хороша вода.

Тобол. Мне хорошо здесь. Если
Умру сейчас, не жалко умирать,
Оставшись здесь. И ветер ивы клонит,
И рябь воды, словно гранит. Вода
Молчит. То боль моя уходит,
То сердце новорожденно кричит.

*10 сентября 2016г.,
берег Тобола близ Ялуторовска*

Лежишь на земле, и осень тебя выбирает
Певцом своим, в голос твой ноты вплетая свои.
И рад бы забыться, но музыка эта играет,
Как луковица раскрываясь, за слоем слои

Значений и смыслов сквозь душу свою пропускаешь.
Блуждаешь? Скорее скользишь, и в густой тишине,
Сомнения отбросив, осознанно перебираешь
Страницы симфонии этой, звучащей извне.

И хочется жить. И жизнь предстает необычной,
И, от предвкушения встречи с неведомым, ты
Находишь в себе обновленном иные черты,
И новое видишь в простом и привычном.

Каменный ветер с Урала
Этой весной молодою
Обской играет водою
Темной и жуткой. Начала

Ждешь навигации летней,
Треска и гула моторов
Стареньких «Метеоров»,
Вести несущих с соседней
Скучно обжитой земли.

Ну, а пока корабли
Льдин уплывают и тонут,
Волны свинцовые стонут,
Волны сверкают в дали.

Серый сокол на суку
И сорока близко –
На соседнем берегу,
И взлетает низко.

И стрекочет, и кричит,
И хвостом кружится,
И чего-то волочит,
Дескать, не боится.

Я по бережку хожу,
Я на сокола гляжу.
На высоком берегу
На березовом суку
Сокол глазом водит,
Солнце кругом ходит.

Сад пожелтел, а слива уже облетела.
Листья шуршат под ногами, летают по одному.
Осенью этой душа моя вновь захотела
Остановиться, заплечную сбросив суму,

Корни пустить, неприкаянный разум направив
На созиданье, простым заниматься трудом.
Дело не хитрое – не оставлять на потом
Важное здесь и сейчас. И сомненья оставив,

Слушаю осени голос, молчу, собираю дары –
Краски и запахи, и – что осталось незримо –
То, что собой открывает другие миры,
Что твою жизнь наполняет и делает неповторимой

Только синяя осень. Чащобы. Чащобы.
И вода, и холщовая мерзлота
Перепахана временем, и руда
Обнаженная. Ветры из самой утробы
Севера дуют сюда.

Этот край, словно дева, жестокая дева,
Что, любви не изведав, не знает своей красоты,
Хоть и смотрится часто, себя в отраженьи воды
То не видит, то не узнает. Также сосны и справа, и слева
В эту воду глядят. Тишина. Тишина.
Лишь хвоинки на воду роняет сосна.

Только ожидание тепла,
Яблоня у дома отцвела.
Холодно. Боюсь, дождемся снега.

Лепестков опавшая зола
Вдоль дороги полотном легла
Тканью для рубахи-оберега.

Мастерица боль мою вплела
В свой узор, и боль моя ушла.
Только ожидание тепла...

Карие глаза, глаза печальные,
Две свечи горят, свечи венчальные.
И не надо ничего другого

Кроме тишины и кроме слова.
В этой тишине благословенной
Знаешь интуицией мгновенной

Все пути событий и звучишь
Нежностью доверчивой, и слышишь
То в ответ, о чем и сам молчишь,
Озареньем молодости дышишь.

Поколения войнов и дев яснооких,
Берегинь молчаливо стоят за тобой.
Мы не властны над временем, сердцем, судьбой
Только совесть и вера отличают от многих
Всех подобных тебе и готовых на бой
С пустотою внутри.
Не одна ты, смотри:
Улыбаются пращурь,
Освещенные ликом зари.

Чайка морская над Чусовой
Белоголовая, смелая. Свой
Голос ты прячешь в речную тишь,
Тенью по гребням воды скользишь.

Или меня за собой ведешь
Точно на север, где солнце пьешь
Редко и жадно, и где слышны
Мерные звуки твоей тишины

Просыпаясь под пение птиц
В монастырской келье своей,
Среди хора дроздов и синиц
Я все ждал – запоет соловей –

И вставал раньше солнца, и шел
Я на Сухону тихо глядеть,
На разрушенный временем мол,
На заброшенный порт, обреченный стареть.

И молчал, и смотрел, и смотрел, и молчал...
И весенние воды топили причал.

15.04.2017 г. Тотьма

Головой прислонившись к ножа
Рукояти, лежу на земле я,
В цепкой памяти образ держа:
Шарья, Нея.

И деревни, деревни кругом,
И дома в них с пустыми глазницами,
Населенные ветром и птицами.

Словно пройдены внешним врагом
Эти земли. Руины церквей...
Лишь как прежде поет соловей,

Тот же воздух прозрачный густой,
Словно прадед мой молодой
Сейчас выйдет с ружьишком из леса

И умоеся чистой водой.
И вода побежит бородой,
Словно время, под собственным весом
Прямо на землю светлой рудой.

Тишина над северной рекой
Осязаема и незнакома.
Небо здесь вдали от дома
Ближе. И особенный покой

На душе моей сродни тому,
Что, доверив Богу одному
Тайну сердца, слышишь, засыпая,
Пенье ангелов и сердцу, и уму
Непривычное. Но красота любая

Хороша, особенно когда
Слитно дышат небо и вода.

От разлуки душа замирает. Она
Тишина.

Быть мудрой женщиной и прятать наготу
Души своей и, боль укрыв словами,
Менять пространство, печь топить дровами
И петь, перемогая ломоту
В спине, и жизнь свою любить,
Заботиться, хранить и просто быть.
И быть любимой.

Солнечно, пасмурно, дождь.
Сын подрастает и дочь.
Время растёт из груди.
Лучшее – впереди.

Яр, Куяр, Пышма.
Ягода-зима.
Белый щит Дажьбога –
Дальняя дорога.

Реки в серебре.
Птицы на заре
Не поют. Морозно.
Испугаться поздно –

Дома ждет жена.
На границе сна
Еду – еду – еду.
Как Сибирь длинна.

Еще сегодня, но уже вчера.
Восток империи, граница океаном
Очерчена. И высверк топора,
И руки плотника сидящего. Станом
Не инок – дерево: узлы, узлы, ремни.
И лодка молодая долги дни
Растет как кокон. Свидимся ли отче?
Сомнения, как сладостны они
Для выбравшего путь, пусты. И вотще
Горит закат. Восток, восток, восток...
Чужбина. И завернутый в платок
Кусок земли.

Из костей растет трава.
Небо. Небо. Голова.
Клонит голову к земле.
Сединою на скуле

Прислонюсь. И сон льняной
Матерью или женой,
Словно птицей, принесен.
Мир родился. Мир спасен.

Безмолвие космоса, музыка, чуткость воды –
Вместе – рождение мира, материи; духа и тела
Свадьба и сварга. Алхимия красоты,
Любви и воли; и мудрости малое дело.

Капля за каплей. Житейская простота.
И в глазах твоих нежность. Так рано богиней
Ты осознала себя. И немая вода
Новорожденным криком застыла в декабрьский иней.

Носит небо сон льняной,
Снег напитан тишиной
Гулкой и одутловатой.

Ночь над белою страной,
Освещенною луной
И Венерой красноватой.

И земля моя молчит,
И душа моя кричит
Оглушенная, немая.

И, на веру принимая
Это таинство, бреду
Направленьем на звезду,
В кулаке звезду сжимая.

Мальчик с седеющей бородой,
И чайка над водой.
Вездесущая тишина,
И холодная белизна.

Память обрушится, словно лед,
Под тяжестью имени твоего,
Имени твоего.
Тень моя воду пьет.

Как хрупко. Как больно. Душа тяжела,
Крылами касаясь прибрежного мола,
Хрипит, возгораясь, до боли, дотла.
И клетот. То море? То время? И около
Взморья на камне седом
Возница суровый и с рыбьим хвостом.

Срединное море мое молодое, вечное, вешнее.
Медовое солнце и ветер с Сахары сухой.
Здесь разных наречий – гортанных, певучих и птичьих –
кромешное
Множество, марево, месиво. Видимо мой

Трохей или ямба не подходят здесь петь о несбывшемся
или о прожитом,
Здесь золотом будет молчание, как и всегда.
Ведь море имеет сказать тебе многое, может в том
И более толку, когда златокрылая шепчет вода.

И слушаешь море Срединное молодое.
И время вздымается пеною над водою.

В темноте, когда слышно лишь ЛЭП,
И вода черноокой реки, устремленной к Амуру,
Тяжела и неспешна, как хлеб
Пориста, я увидел себя не собой и, заполнив цезуру
Запахом дыма и дров,
Улыбнулся, сбросил покров
Безразличия.

Вода в реке прибыла.
Луна ни при чем и сурь.
Из влаги с гор и тепла
Рождается время бурь.

И снова звезда Чигирь
Сияет – не жди беды,
Пора покидать Сибирь.
Истоки большой воды

В горах. И зовут они
Домой. И зовут они
Домой.

И я тоже насквозь земля
И. Ефремов

И я тоже насквозь земля.
Обними меня! Будем печальны
Только миг, свою утоля
Жажду тайны. Потоки витальны

Сквозь горячую прозелень глаз
Укрепят и покажут мне нас
Изменившихся. Слово и дело
Суть одно, суть душа и тело.

Степь заснеженная, степь круговая.
Звук электричества, снега, звук пустоты.
Время, стеной непогоды вставая,
Определяет биение жизни в утробе воды.

Танец ли, схватки ли или потуги,
Судорога родовая. Как же строга –
В образе смертной и вечной супруги
Бога – природа рождающая. Не легка

Ноша ее. И стоишь облаченный
В мысли и образы ветра и льда –
Хрупкий и заново нареченный
Именем, сильный как никогда.

Обнялись и спят на борту
Старой лодки – он и она.
У него – монета во рту,
У нее – пригоршня зерна

На шнурке в мешочке лежит.
И река, река не спешит.
Поклонюсь той реке и пойду –

Нареченную деву найду,
Кто со мной по реке поплывет,
Когда вещая мать позовет.

Розы увяли. Декабрь. Зима.
Будни истории. Вечность нагая.
Хлопя снежинок ногами лягая,
Смотрит в окно безмятежность сама

И засыпает. И счастливы все.
Жизнь продолжается. Время по кону
Двигается. Напоминает икону
В чистой и смертно-великой красе

Жизнь молодая. И вечер земной
Памятью крови и духа врастает
В кожу мою, и душа обретает
Опыт, который становится мной.

Я работал на драге в поселке Кытлым

Б. Рыжий

Просто люди и люди военные.
Тишина, благодать и тоска гробовая.
В деревянной столовке тоску изливая
Вечерами за чаем, такие же бранные

Свои мысли, как все рукотворное, гонишь по кругу.
Это тоже Кытлым, восемнадцатый год.
И работа моя в веках пропадет,
Но останутся время и камни. И вьюгу

Из листьев хрустящих и желто-пустых,
Принимая как друга-сказителя, в горы сбегашь
Каждый день. И в лесистых горах этих серых, седых
Тишину шерстяную оберегаешь.

*минойцы мои, финикийцы, – налягут на весла
и выбросят пену на берег ненужного рая.*

М. Никулина

Скифский топор на плече удальца-великана.
Юная дева нагая, лишь ей слушать волю богов,
Белую смерть усмирять круторогую гибкостью стана,
Ясностью взора, спокойствием сердца и резвостью ног.

Тысячелетья сморгнешь. Что есть время? То Критское море,
Море Ливийское да Ионийское – девы глаза.
Нету минойцев, пеласгов, карийцев, о горе, мне горе,
Страннику вечности, знавшему их паруса.

Перемогу и забудусь в твоей колыбели,
Мать народов и родина времени, как никогда
Грустно и радостно слушать, что ветры напели,
И нашептала в ответ им слепая вода.

Мальчика да ангелы смешат.
То – весна, то время голубое.
И, боясь спугнуть его собою,
Медленным мгновеньем дорожат

Тоже дети, ставшие детьми,
От усталости избавив лица,
Люди беззаботные, как птицы,
Птицы, нареченные людьми.

Чем может сын поделиться с отцом?
Памятью памяти с детским лицом,
Мудростью времени, силою духа

Делать невозможное для отца,
В этом себя обретая, Творца
Искру лелея, до слуха

Вечности – слово свое, до резца
Мастера – душу живую юнца
Из тополиного пуха,
То есть до встречи, нести, до конца.

Птица, которая не умирает,
Родной незнакомец мой.
Жат, по-казахски, сункар,
Ношан-номто, по-бурятски,
Мудрый сокол.
Когда я умираю, я – он,
Мы – одно, ибо мертвые не видят снов.

Притяжение звезды.
В луч ее влагаю
След от поступи воды
Белой. И другая

Молодость во мне живет
Тридцать третий вещей год
От слепой разлуки.
Тишина наоборот –

Поднимаю руки
И шагаю, и лечу
Вдоль по звездному лучу.

Время гортензий, иллюзий и майских дождей,
Время надежд – то минувшее, о котором с улыбкой
Нет, да и вспомнишь. И сложно ошибкой
Мысли свои те назвать и людей.

Торопно – торопно жизнь на бегу
Переосмысливая и латая,
Чувствуешь гостем себя, до Китая
Нет, не дошедшим. На том берегу

Тоже живут. Но узнаю потом.
Время рассудит. Страданье научит.
Вечность похожа на грозные тучи
Или на горы, покрытые льдом.

ЭЛЕГИИ ЗАБЫТОЙ ТАРТАРИИ

1.

Серебряна вода
Застыла, только лед,
Здесь время не течет,
Здесь памяти слюда
Над замершей водой
Исети молодой.

А дальше степь и степь,
Холмов густая цепь
Теряет высоту.
Сибирскую версту
Приняв за образец,
Я на восток иду,
Седеющий юнец.

Исеть, Tobол, Иртыш...
Ну, что же ты молчишь?

2.

Стихи от слова – непогода –
Не отрицание тепла,
А ожиданье, что природа
В себе гармонию нашла

Лелеять красоту, питать
Незримое, означив словом

Лишь очертания былого.
И жизнь для этого отдать

За други, за страну, за ту,
Что бережет твою мечту,
Что верит, как себе и боле.
И небо обнимает поле,
Укрывшееся под фату.
И я сквозь снег к тебе иду.

3.

Без тебя печально жить,
Лишь дорога да дорога.
Здесь Сибирь, здесь ищут Бога,
Легче голову сложить.

Только степь и облака, –
Где найти тебя, родная?
Ведь прошли века, века...

Только звезды на местах,
Остальное изменилось...
Что здесь и когда случилось,
В твоих древних городах?

Возвращаешься домой,
Не найдя руин, без края
Степь шумит, тебя шатая,
Словно старый, но прямой
Тополь лютою зимой.

4.

Устал я умирать,
Лишь небо да кровать
Из полевых цветов.
Пойдем, ведь я готов.

Пускай растут цветы
Из тела моего.
Я буду как и ты –
Бессмертен от того,

Что видел красоту,
Что ведаю пути.
Ты только допусти,
Я за тобой пойду.

Но Мать моя молчит
И гладит стебли трав.
Не смея огорчить,
Встаю, не испытыв

Ни жалости к себе
Ни боли. О судьбе
И жизни не печась,
Я буду жить, смеясь.

5.

Есть реки, которые не обойти,
А строить колданки и струги,
Селиться и новые Лета вести

С начала какой-нибудь Юги.
Рожденные здесь позабудут степной
Простор и познать мореходство
Решатся, найдя в этом сходство
С величием мудрости жизни земной.

И будут в ладьях отправлять в небеса
Закончивших путь свой, не пряча глаза
От света, от птиц огнеликих,
В присутствии предков великих.

6.

Через Тару степенную на Иртыш.
Сердцем, памятью прикипишь
К этим илистым берегам,
Ненадежным, сырым, дремучим.

Здесь вольготно родным богам
Как и прежде давать могучим
И достойным значенье вед,
Повторяя: «Ученье – свет!»

И по-старому называя
Каждой буквицы имена,
От привычного отрываясь
И бескрайнему открываясь
Пробуждаешься ото сна

Безразличия и живешь,
В свою жизнь, не пуская ложь,
Красоту и любовь зовешь.

ПОЛЕТ ВАЛЬКИРИИ

1.

Верба зацвела. И вербный мед...
Помнишь в книге? Или не читала?
По сравненью с жизнью – это мало
Року подчиняться, наперед

Не гадая о судьбе, служа,
Не ища ни славы, ни корысти,
Лишь Создателю, его мечтам и кисти.

Он – художник. В памяти держа
Образ твой, я обретаю слово,
Не желая ничего иного.

2.

Меч держа в ладони, суд вершишь
В своем сердце. И ночами плачешь.
Раньше плакала, теперь вздыхаешь лишь.
Дева, для меня так много значишь

Ты в своем умении молчать,
Слушать, слушаться, быть верной и покорной
Хочется богиней величать
И укрыть тебя от лжи притворной.

Величаю и благодарю!
Преклоняюсь в сердце, торжествую

И тружусь, свой путь земной торю,
Чтоб достойным быть любить тебя такую.

3.

За смертью рожденье. Ты больше не смотришь в даль.
Художник-Создатель твое изваянье сделал.
И ты ожила и расправила плечи и, тело
Полету отдав, ты забыла тоску и печаль.

И сестры твои, тебя равной считая, берут
За белые руки и, в круг берегинь допуская,
Дают тебе силы и, космы твои распуская,
Дают тебе право творить над живыми и мертвыми суд.

Любуясь тобой неземной и земной, отдаю
Свой посох истертый, уже не пригодный в дорогу,
Земле. И пусть вырастет дерево нашим потомкам в подмогу.
А я у его основания с отцовским мечом постою.

4.

Слышу сердце твое. Или наше?
Каждый миг проживая полно,
Наблюдаю – становится краше
Мир вокруг, и студёные волны
Чувств земных обжигают меня.

Эта форма живого огня
Так идет тебе, к солнцу летящей
Вещей птице. Любуюсь тобой

Нежной, женственной и настоящей –
Девой властвующей судьбой.

5.

Власть несешь на своих плечах
Над людьми, награждаешь войнов
Славой вечной. В твоих очах
Уживаются так спокойно

Гнев, величие, страх и боль.
Ты не властна лишь над собой.
Повинуясь судьбе и року,
Ты не знаешь свою дорогу.

Наблюдаю издаലെка:
Твои чувства, словно река,
Так сильны, так неоднородны,

Так просты и чисты, свободны.
Дева смертная и богиня,
Береги и себя, берегиня.

6.

Так юна твоя память земная,
Так стара в тебе память иная.
Поколение за поколеньем
И служением, и преодоленьем

Твои предки стяжали в себе
Силы быть неподвластным судьбе,
Повинуясь и сердцу, и року.

Дева белая, может быть Богу
В этот раз будет радостно зрить,
Если ты будешь жить и любить,

И любимую будешь, и круг
Обережный держа надо мною
И летая средь светлых подруг,
Обретешь еще счастье земное.

СТИХИ О СВЕРДЛОВСКЕ

1.

Город двуликий, родной и чужой,
Словно двуглавый орел на монете,
Смотрит на солнце сибирской душой,
Солнце, омытое в водах Исети,

И провожает его за Урал
К скифским просторам, словенским дубровам.
Многое ты в свое сердце вобрал
И сохранил под незримым покровом.

Буду тебя вспоминать и любить,
Можно ли родину предков забыть,
Вросших корнями в хребта станового
Камни, хранящие вещее слово.

2.

Здесь Сибирь, здесь время другое,
Здесь равнина и мало лесов,
Да мечтается не о покое,
В здешних сутках так много часов.

И живешь, вспоминая Урал,
Вспоминая Свердловск на Исети.
Эту долю ты не выбирал,
Но ты счастлив, как счастливы дети.

От Исети к Тоболу судьба
Или рок, или старые боги
Привели, и открылись дороги,
Словно в «Слове...» Трояна тропа.

Так люблю я на звезды смотреть,
Их в Свердловске почти не бывает,
Там земное небесным сияет,
И горит, что не должно гореть.

Здесь камней очень мало, они
Из земли не успели родиться,
Здесь земля состоит из стерни
И преданий, успевших забыться.

3.

Капля росы на бетонную почву ложится.
Там дом и здесь дом, когда не хватает тепла,
Я из Сибири в Сибирь уезжаю забыться,
Перемениться, прочувствовать: не умерла
Вера моя в красоту. И душа обновиться
Снова готова, и тяжесть немая ушла.

Петь о Свердловске легко, остается со мною
Город сибирский, куда бы я не уезжал,
Все повторяется: голуби, площадь, вокзал
И тишина штормовая, людскою волною
Непокоримая, словно себя привязал
К мачте заветной, и воском залитые уши
Дарят надежду живым возвратиться на сушу.

4.

Город, когда умирает, он строит дома
Многоэтажные, однообразные, серые.
Он задыхается, ровно холодная тьма
В сердце его проникает. Ни света, ни веры не

Остается. Так люди, когда не способны любить,
Могут годами не жить, а поддерживать тело, пить
Чьи-то надежды и радости, и красоту,

Распространяя вокруг пустоту, черноту.
Но мой Свердловск еще жив, только болен давно.
Он исцелится, в нем многое сохранено.

5.

Город сибирский, так много в тебе тишины,
Провинциальности и простоты деликатной.
В городе ждут меня этим, и это отраднo.
Я из Сибири в Сибирь возвращаюсь, и дни сочтены

Белой разлуки. И руки ее и глаза
Больше не снятся, а видятся въяве.
Город зовет меня. В будничности и во славе
Он неизменно родной мне. И бирюза,

Что называл я изменчивой, светит тепло
И с изумрудным оттенком мне близким зело.

МЕРЕЖКОВСКИЙ

1.

Сверчок поет. Скребется мышь.
Скрипит веретено.
На свечи смотришь и молчишь,
На темное окно.

Опять сегодня, как вчера
И завтра... Боже мой!
Монументальны вечера
Заснеженной зимой.

Вселенная огней полна,
И – у истоков сна –
С лампадой Дева у окна.
И длится тишина.

2.

Луночь. Лунная дорога.
Снег. И холод у виска.
И вселенская тревога,
Акварельная тоска.

Странник. Стражник. Шут в веригах.
Озимь. Изморози соль.
Остается только книга.
Остается только боль.

3.

Тишина, ясноокая тайна,
Неслучайна твоя глубина.
И меха молодого вина,
Беззаботные шкуры животных,
Так от страха пьяны потому,
Что обещаны самому
Может богу, а может пророку,
Собиравшемуся в дорогу,
Но нашедшему смерть и тюрьму.
И в оковах его стерегут,
И от страха самим себе лгут.

4.

Черный грач с отливом синим,
Медный колокол звонит.
Время страсти и гордыни,
Время древних Аонид

Миновало, отшумело.
Красота души и тела
В мертвом образе креста
Воплотилась, да не та.

Отпускаю боль свою.
Я под куполом стою,
Гроб серебряный целую,
Слезы прячу в думу злую.

Хор поет, душа томится.
Я умру и буду сниться
Редко-редко ей одной
Деве светлой и родной.

5.

Это снег, назову его снег
И пойду по нему туда,
Где железный холодный век
Растекается, как вода,

Обретает значенье, суть
Осязаемую, живую
И подвижную, словно ртуть.
Против времени поплыву я

Своей мыслью. Вода чиста.
И на солнце блистают рыбы,
И расставлены невода.

И Христос избежав креста,
Добровольно взойдет на дыбу,
Ужаснувшись, что красота
Кровожадна и так пуста.

СЕРДЦЕ СИБИРИ

1.

Тишина в теплоту внутри
Переходит. И раз, два, три...
Эти сумерки, эти волны,

Эти камни и краски дня
Угасающего – в меня,
Словно в глину пары огня,
Проникают. И мысли полны

Ожидания новых дней,
Где и радостней, и сильней
Воплотятся мечты о ней,
О любви, красоте небесной

И земной. И водою пресной
Волны катятся на песок,
Солнце прячется за лесок,
За кедровый на скалах лесок.

2.

Спрашивать небо и землю вдали,
Спрашивать воду, пророчить,
Грезить во сне, оторвав от земли
Мысль свою, чтобы упрочить

Тела и духа незримую связь,
Словно устава кержацкого вязь,
Боль и душа неделимы,
Воля и дух негасимы.

Волны, песок и следы на песке,
Словно стихи на чужом языке
Малопонятном и птичьем,
Музыка в странном обличье...

Малое море, студёный Байкал.
Как же давно я покоя искал.

3.

Это земля у студеной воды
Или вода, окружившая скалы.
Белый шаман опустил устало
На гладкий камень. Седой бороды

Высверк на солнце. Как долго я шел.
Волны Байкала огладили мол.
Годы прошли. И мы встретились снова.
Так Елисей-богатырь или Бова,
Силу обетши к заветным летам,

За наставлением к старцу, как ране,
Взрослым приходит. И горы в тумане,
И тишина, и рассветная марь.
Благослови же меня, Государь!

4.

Горы и кедры, и море вдали
Пресное, памятью наделенное.
Сердце мое из огня и земли,
Вечностью жизни замороженное.

В горсть эту землю возьму и вотру
В щеки и плечи и плакать не буду,
Буду молчать, тихо радуясь чуду,
Зная, что также когда-то умру.

Вымою тело в холодной воде,
На берегу просижу до заката,
Чтоб осознать, где урок, где награда,
И про себя улыбнусь в темноте,
И успокоюсь: все верно, так надо.

5.

До первого снега, до корочки льда
Синей на синей воде
Жить мне в Хужире. Придут холода
В августе, и везде:

На скалах, на глади воды, в небесах,
На пляже песчаном, как прошлое белом
И твердом, в кедровых поющих лесах
Пустых и сияющих – духом и телом

Окрепнув – я буду вбирать тишину
До самой печали, до чистого слова,
Я мысль буду пестовать только одну,
Грядущего и былого
Хранящую свѣт, красоту и боль
Разлуки, и веры земную соль.

6.

Бросить монетку с державным орлом
В воду с парома.
Суши и моря холодный излом
Ставшего домом

Места, где время – песок и вода,
Скалы и кедры –
Форму теряет, где кровь и руда
Слитны и щедры

Памятью. Кречета тень на воде –
Око шамана.
Благодарю тебя, сущий везде
Пращур с Бурхана.

ХРУСТАЛЬНАЯ ВОДА ПОД СРЕДИННЫМ НЕБОМ

1.

Выйдя на лед серебристый и пористый
Между горами скалистыми снежными, с хвойными шапками
Набок свороченными, я обернулся на ветер забористый,
Иглистый, душу, как лист прошлогодний и серый, охапками

Высвобождающий. Слушая воду застывшую, небо застывшее
(их полифония соединилась в единое),
Я обретаю незримое памятью бывшее,
Ставшее явью, природой, живую картиную.

Дальше – на гору взбираться, чтоб впитывать поровну
Небо и воду на этой земле обделенной вниманием.
Видимо, змей здесь издохший тянул свою борону
Долгие годы, и плакало мироздание.

2.

На скале – пологой с одной стороны –
Березы и сосны. И могучую спящую реку
Не слышно. Деревья и валуны,
Тайга и небо – равнопокорны Богу и человеку.

Так думали пишущие на деревьях
Старой вязью, красной охрой около костровища.
Это не капище, это пустые слова
Начертали бородатые дети на пепелище.

Прошлое не вернуть. Есть вода и вода –
Река и небо, стремящиеся быть целым.
Есть камни, рассказывающие, что когда
Боги и люди, и мир был дебелим...

3.

То были зимние странствия. Теперь весна:
Разнотравье, цветение и река громовая
И серебряная. И солнечная страна
Под высоким небом - затерянная, живая

Среди тайги и гор невысоких – почти что дом.
Для уральца любые камни – наставники, даже братья.
Но небо и вода здешние рассказывают о том,
Когда обнимать, а когда уклониться от объятий.

Растительность юга и северные ветра.
Это Россия, но не Русь. Тарха и Тары
Потомки – дины и даны – искры от единого костра,
Родичи мои, спасибо. И вода слышит меня, сердца моего удары.

4.

Алыча созрела: желто и красно.
И река потемнела и стала бурой.
Половодье. Пекло летнее, но все равно
Вода холодна до зубовного скрежета и до Амура.

Возвращаюсь туда, где ходил по льду
Между скалами. Вплавь через Зею

Мне не осилить, но я на спине иду,
Глядя в небо, коченея и холодея.

Чувствуешь себя заготовкой в руках кузнеца,
Выкует меч он или что другое.
Буду продолжением руки творца,
Если уготовано мне такое.

5.

Скоро морозы. Хрусталь воды
Затвердеет, и небо свинцовое очень близко.
Это прощание с местом и временем. Это труды
Целого года окончены, словно из списка

Живых вычеркивают меня.
Оглядываешься, улыбаешься, и себя бывшего
Прощаешь, и потраченного огня
Не жаль. И теплое слово

Подыскиваешь каждому свое:
Человеку, месту, вбираешь небо взглядом, воздух кожей.
Это одиночество. Это птица-Сирин вьет
Дом свой из ветвей моей памяти на иву похожей.

Небо останется, вода будет также течь.
Смотришь на воду и не узнаешь отраженья:
В хрустальном омуте человек-меч
Потока осеннего повторяет движенья.

6.

Вода – это память, безмолвная речь
Внутри человека, прошедшего через страдания.
Это достоевщина, способная увлечь
Эквилибристикой на краю мироздания.

Бросаешься в омут, а омута нет,
Есть твердь небесная и твердь земная.
И только небо знает ответ,
Когда остановиться, меру позная.

Живешь настоящим. Душа воды
Хрустальной и неба срединного в тебе и присно.
И только близкие твои знают, что ты
Чувствовал, находясь на краю Отчизны.

СОДЕРЖАНИЕ

«Посох и башмаки...».....	3
«Я вышел слушать снег...».....	4
«В печке растет трава-мурава...»	5
«Пес трусит в морозной мгле...»	6
«Сын мой, шел снег, ты родился в ночи...».....	7
«Кони ходят по воде...»	8
«Тура, Тобол, Иртыш...».....	9
«Сны о прошлом. Век разлуки...»	10
«Свеча – дитя звезды...».....	11
«Море меняет свой цвет, заполярное солнце не греет...»	12
«Этот сон тревожный, эта тьма...»	13
«Так тревожно на сердце, так больно...».....	14
«Оркестр духовых инструментов...»	15
«Свеча теперь горит...».....	16
«Комок земли в ладонь сгребя, соединиться...».....	17
«Только искры летят и поют соловьи...».....	18
«Взгляд мимолетный, секунды живые...».....	19
«Каменный ветер с Урала...»	20
«Серый сокол на суку...»	21
«Тобол, и более не надо...».....	22
«Лежишь на земле, и осень тебя выбирает...»	23
«Сад пожелтел, а слива уже облетела...»	24
«Только синяя осень. Чащобы. Чащобы...».....	25
«Только ожидание тепла...».....	26
«Карие глаза, глаза печальные...»	27
«Поколения воинов и дев яснооких...»	28
«Чайка морская над Чусовой...».....	29
«Просыпаясь под пение птиц...».....	30
«Головой прислонившись к ножа...»	31

«Тишина над северной рекой...»	32
«От разлуки душа замирает. Она...»	32
«Быть мудрой женщиной и прятать наготу...»	33
«Солнечно, пасмурно, дождь...»	33
«Яр, Куяр, Пышма...»	34
«Еще сегодня, но уже вчера...»	35
«Из костей растет трава...».....	36
«Безмолвие космоса, музыка, чуткость воды...».....	37
«Носит небо сон льняной...».....	38
«Мальчик с седеющей бородой...»	39
«Как хрупко. Как больно. Душа тяжела...»	40
«Срединное море мое молодое, вечное, вешнее...»	41
«В темноте, когда слышно лишь ЛЭП...»	42
«Вода в реке прибыла...»	43
«И я тоже насквозь земля...».....	44
«Степь заснеженная, степь круговая...».....	45
«Обнялись и спят на борту...»	46
«Розы увяли. Декабрь. Зима...».....	47
«Просто люди и люди военные...».....	48
«Скифский топор на плече удалыца-великана...»	49
«Мальчика да ангелы смешат...»	50
«Чем может сын поделиться с отцом...»	51
«Птица, которая не умирает...»	52
«Притяжение звезды...»	52
«Время гортензий, иллюзий и майских дождей...»	53
Элегии забытой Тартарии	54
Полет Валькирии.....	58
Стихи о Свердловске.....	62
Мережковский	65
Сердце Сибири	68
Хрустальная вода под срединным небом.....	72

Литературно-художественное издание

Максим Сергеев

ТОЧКА ВОДЫ

стихотворения

Издательство АМБ
620142, г. Екатеринбург, ул. Фрунзе, 35а
Тел.: +7(912) 242-20-73. E-mail: amb@amb.ur.ru

Президент АМБ *Владимир Лобок*
Предпечатная подготовка *Светлана Полежаева*

Подписано в печать 06.09.2019. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 4,5. Тираж 200 экз.
Заказ № 218

Отпечатано в типографии ООО «Гардарика»
620076, г. Екатеринбург, ул. Мраморская, 36

